

Ранний брак: благо или зло

В газете «Республика Татарстан» (№ 50-51, 2008 г.) опубликована статья Ирины Симоновой «Об опасности затопления в ранних браках». В ней автор затрагивает давно назревшую проблему снижения брачного возраста в молодежной среде. Скорее всего, в ней речь идет о добрачном возрасте, ибо автор не затронул бы этого вопроса, если бы речь шла о браках среди молодежи, достигшей брачного возраста, т.е. 18-и лет или же меньшего возраста, санкционированного по закону. Одним словом, поднимается проблема легитимизации создания семьи молодыми парами добрачного возраста. Но на какой правовой основе это сделать? Вопрос не очень простой. Ибо речь идет о парах, не зарегистрированных в органах загс в установленном законом порядке. Может быть исходить из факта заключения церковного брака? Но этот порядок никак не регламентирован. Можно, конечно, регистрировать семью по факту рождения ребенка. Но и такой порядок законом не предусмотрен. Более того, большинство таких пар не регистрируют ни светский, ни церковный брак, а просто сожительствуют, образуя некую виртуальную семью, иногда увенчанную таинственным названием «гражданский брак», отсутствующем в правовом лексиконе как светского, так и церковного брака. Может быть звучит весьма странно, но следует признать, что в правовом отношении семей у нас не существует. Регистрируется лишь брак, рождение ребенка, установление отцовства и т.д., но никак не факт создания семьи. Да и семья у нас не распадается, просто разводятся поссорившиеся пары. Могут при этом образоваться даже две «семьи», разделив при этом детей как имущество.

Еще большую неопределенность и даже путаницу вызывает вопрос определения совершеннолетия и гражданственности. Совершеннолетие у нас кажется совпадает с брачным возрастом, хотя бы в рамках уголовного права. А вот гражданином можешь стать раньше, как получишь паспорт. В советское время это было в 16, а сейчас в 14 лет. Так что в «гражданский брак» можешь вступать и в 14 лет. Только как это согласовать с Семейным кодексом или уголовным правом. Так что брачный возраст у нас весьма произвольный.

Жаль, что обо всем этом Семейный кодекс Российской Федерации молчит.

По нашему мнению, все эти правовые неурядицы являются следствием разрушения традиционного института семьи, начавшегося с первых декретов советской власти, практически отменивших семью как пережиток буржуазного общества. В 20-х годах по всей стране в молодежных форумах даже развернулись дискуссии на счет права на существование семьи. Родителям отводилась лишь роль биологического воспроизводства детей как будущих строителей коммунизма. Дети объявлялись общественной собственностью как часть производительных сил. Воспитание детей стало всеобщей обязанностью государства.

Когда пришло некоторое отрезвление, было уже поздно. Отлучение Церкви от института семьи, являющейся его нравственной основой, сделало свое дело. Семья перестала быть священным союзом ее составляющих: кровных родственников трех поколений.

Мы здесь не станем углубляться во все аспекты традиционного института семьи, сложившегося на протяжении многих веков. Наша задача более узкая - попытаться ответить на вопрос о раннем браке, который, как видно из названия статьи, волнует ее автора.

Прежде всего обратим внимание на три аспекта этого вопроса - *физиологический, нравственный и социальный*. В физиологическом отношении ранний брак во многих случаях может быть оправдан. Дело в том, что он является как бы следствием полового созревания юношей и девушек, которое наступает гораздо раньше официально установленного брачного возраста. Наверное, очевидно, половое созревание вызывает естественную сексуальную потребность, подавление которой может отрицательно отразиться на физиологическом и психологическом состоянии молодых людей, что очень часто приводит к неестественным формам полового удовлетворения. Нетрудно предполагать, что из этих весьма неестественных состояний впоследствии может вырасти целый букет так называемых женских и мужских, или даже психических заболеваний.

Об этом хорошо знали наши предки и, поэтому, стремились «устроить» семейную жизнь своих чад не откладывая на «долгий ящик» после наступления полового созревания. Все нормы своевременного заключения брака были предусмотрены в рамках традиционного института семьи. В нем брачный возраст определялся исходя не из социальных или каких-либо визуальных соображений, а исключительно по факту полового созревания: для девушек по наступлению первых месячных, для юношей - первой поллюции. Естественно был определен круг лиц, которые обладали правом и возможностью установления этого факта. И чтобы эта ситуация родителей (или иных субъектов семейного права) не застала врасплох, был учрежден обряд обручения как минимум за год до предполагаемого возраста полового созревания. Возраст половой зрелости у разных народов устанавливался по-разному, в основном, с учетом географических широт. У южных народов традиционным стал возраст для девочек - 9, а мальчиков - 12 лет, у северных народов соответственно - 12 и 15 лет.

Но если даже каким-то чудом удастся в законодательном порядке установить *физиологический брачный возраст* для конкретного региона, то проблема нравственности остается открытой. Если, понизив брачный возраст, мы не введем систему нравственных норм и сдержек, то действительно, как говорит автор статьи, нас ожидает опасность затопления в ранних браках со всеми вытекающими отсюда нравственными и социальными проблемами. Семейный кодекс РФ, как правовой акт светского государства, рассматривает эти нормы лишь в социальном, а не в духовном плане. Но в традиционном институте семьи имел первостепенное значение *духовный аспект нравственности*. Недаром родилось сакральное изречение: «браки совершаются на небесах». К сожалению, современные браки, очень часто совершаются не на небесах, а «под забором». Так появляется «подзаборное» зачатие или даже «подзаборные» дети, часто обреченные на умерщвление или отказность.

Одним из важных элементов системы нравственных сдержек в традиционном институте семьи был обряд обручения, который завершался венчанием, если к этому моменту он не был расторгнут в установленном порядке. Высшей нравственной нормой совершения брака «на небесах» была непорочность вступающих в брак. Законнорожденным считался лишь ребенок, родившийся от непорочного зачатия. Незаконнорожденный не имел права вступать в брак с законнорожденным. Эти суровые нравственные нормы создания семьи свято соблюдались под пристальным контролем религиозных институтов.

Недавно мне пришлось видеть по телевизору передачу о иудейской семье, ведущей кошерный (праведный) образ жизни. Бывшая наша соотечественница, переехавшая в Израиль, рассказывала зрителям о правилах кошерной жизни, в том числе, семейной. Держа в руках маленького сына, она с гордостью указывала на него как на кошерного ребенка. Мне было приятно все это видеть и слышать. И очень хотелось, чтобы все семьи у нас в Татарстане и во всей России жили кошерной жизнью и рожали кошерных детей. Естественно, с соблюдением традиций и верований, присущих данной культуре. Тогда не было бы у нас проблем и с ранними браками, и с распутством, и с преступностью.

В то же время физиологический и нравственный аспекты проблемы раннего брака тесно связаны с его социальным аспектом. Дело в том, что ранний брак в физиологическом отношении социально уязвим. В этом возрасте семья не способна на самообеспечение. В традиционном институте семьи эти вопросы решались согласованно. Уже сразу после обряда обручения стороны начинали обговаривать вопросы социальной гарантии создания семьи. Определялся величина брачного дара, выкуп за невесту и другие гарантийные обязательства. Все это закреплялся брачным договором. И не о каких «материнских капиталах», «социальной ипотеке», пособиях и льготах со стороны государства речи не шло. Это было внутренним делом семейных партнеров. Гарантии давали они, а не государство. Функции государства заключались лишь в правовом регулировании функций института семьи.

Сегодня же дело совсем другое. Государство, разрушив традиционный институт семьи, взвалило на свои плечи не свойственные ему функции, особенно в социальной сфере, с которыми оно не очень то справляется. Отсюда и опасность затопления ранними браками.

В целом, с какой бы стороны не смотреть на проблему создания дееспособной семьи, вопрос упирается на проблему воссоздания полноценного института семьи с учетом современных реалий. В настоящее время в сильно урезанном виде его выполняют органы загс, доставшиеся нам в наследие от большевистского прошлого. Именно поэтому в их функции не входит регулирование физиологической, нравственной и социальной аспектов создания и развития семьи. Да и в правовом отношении здесь не все благополучно.

Возьмем хотя бы процедуру регистрации заключения брака. Уже по самому названию процедуры видно, что речь идет о двух правовых актах: заключения брака и его регистрации. Первый акт сакральный, и больше всего относится к духовной сфере создания семьи, поэтому он традиционно

совершался на лоне церкви. Второй акт формальный и, в основном, относится к социальной сфере. Этим актом государство как бы регламентирует права и обязанности брачующих пар по отношению друг к другу и детей, рожденных от этого брака. Но совместив сакральное и формальное, мы уничтожаем сакральность семьи как священного союза перед Создателем и этим самым снижаем ответственность за сохранение семьи.

Наверное поэтому браки, заключенные таким путем начинают распадаться с самого порога загса. На это указывает тот факт, что из количества разводов, достигшего 50% по отношению к регистрации брака, 40% приходится на первый год семейной жизни. Уничтожение сакральности брака привело также к его обесцениванию, следствием чего стал рост количества безбрачного сожительства, достигшего 30% по отношению официально зарегистрированных браков. В результате такого правового произвола по отношению института семьи привело к тому, что более 80% детей растут без отца. Следует сказать, даже в послевоенные годы безоцовщина не достигала 50%. Значит, за разрушение традиционного института семьи мы платим гораздо дороже, чем в самой кровопролитной мировой войне. И теперь представьте себе, каких мы получим мужчин, если дети не получают мужского воспитания ни в семье, ни в садике, ни в школе, когда они в ней особенно нуждаются.

То же самое относится и к правовому осмыслению понятий «законный» и «гражданский» брак. У нас законным считается брак, зарегистрированный в органах загс, хотя это и есть на самом деле брак гражданский, хотя и это не совсем точно. Ибо, как говорили выше, мы становимся гражданами раньше, чем обретаем право на брак. А брак, который мы сегодня называем гражданским, просто-напросто есть сожительство, а по традиционным понятиям прелюбодеяние, откуда и появляются незаконнорожденные дети.

Таким образом, физиологическая и правовая несовместимость брачного возраста, игнорирование нравственных критериев создания семьи, отсутствие надежной социальной гарантии ее жизнеобеспечения, правовой нигилизм при институализации форм брака привели к обесцениванию семейного образа жизни как креативного потенциала общества.

Мне вот уже более десяти лет приходится заниматься проблемами возрождения традиционного института семьи. Не могу сказать, что люди безразличны этому. Но когда дело доходит до практики, у каждого находится причина для вежливого отказа. Институты образования говорят, что они занимаются уже «готовыми» детьми; институты социального обеспечения обслуживают существующие семьи; органы загс лишь заключают, разводят, регистрируют то, что есть; институты планирования семьи занимаются «безопасным сексом» и «методами безболезненного прерыванием беременности», то есть умерщвлением детей в утробе матери; религиозные институты говорят, что кто хочет пусть приходит: будем венчать, разводить, отпевать, что им нет дела до государства; общественные институты все валят на чиновников, которые кивают на церковь, отлученную от государства. Так каждый копается в своем огороде, не влезая в заброшенный, чем является традиционный институт семьи. Была надежда на академическую науку. Поэтому несколько лет добивался создания научного института семьи. Но

когда он все же был создан в форме Центра семьи и демографии в структуре АН РТ, то это посчитали слишком старомодным и не научным.

Многие свою некомпетентность и нежелание делать сваливают на пресловутый принцип «отделения». На этот счет как-то президент Минтимер Шаймиев сказал, что кто хочет делать, тот делает, а кто не хочет, тот ссылается на «отделение».

Да и вообще дело не в отделении. Семья, прежде всего, это общественный институт, а не государственный. Речь может идти лишь о разделении функций между ними. В этом отношении семья создается на традиционных принципах, регулируемых государственными правовыми нормами. Например, такие обряды формирования семьи, как венчание (никах), наречение и изменение имени, усыновление, развод исполняются в рамках традиционного института семьи, а их регистрация происходит в исполнительных органах государственной власти. Примером этому служит обряд похорон, который регистрируется по факту смерти.

И все это нисколько не противоречит светским принципам государства. Так делается практически во всех странах. Только Россия все еще цепляется за свое большевистское наследие разрушения семьи, за что расплачивается демографической катастрофой.

Если кто-то еще не готов традиционным формам организации семейной жизни, то для них можно на неопределенное время сохранить загсовские нормы. Но для того, чтобы остановить беспредел в брачной сфере, необходимо воссоздать традиционный институт семьи, поднять его общественный статус усилиями государства и общественности. Тогда не будет ни матерей-одиночек и безбрачия, ни тотальной безоцовщины и брошенных детей, ни наркомании и разврата, ни детской преступности. Не будет трагедии и в ранних браках.

Восстановить разрушенный на протяжении нескольких поколений традиционный институт семьи, безусловно, трудно. Для этого может быть понадобится десятки лет. Но если мы сегодня не зложим правовые основы под это дело, то ситуация станет еще хуже.

В первую очередь, на наш взгляд, нужно начать с пересмотра основных положений Семейного кодекса РФ и правовых актов, вытекающих из этого документа. Видимо, осознав это, Госсовет РТ решил создать собственный Семейный кодекс. Но уже первые прикидки показывают, что дело может ограничиться косметическими поправками типа снижения брачного возраста (скорее всего, из демографических соображений), о чем свидетельствует и рассматриваемая нами статья. Примером косметического подхода к столь серьезной проблеме служит принятый парламентом Башкортстана Семейный кодекс этой республики, в основном, представляющий лингвистическое переложение Семейного кодекса РФ.

Видимо наши законодатели, хотя и понимают необходимость создания такого важного документа, но не обладают фундаментальными познаниями в семейной сфере.

Более того, бессмысленно принимать региональные кодексы без серьезного пересмотра Семейного кодекса РФ. На мой взгляд, функции региональных парламентов заключается не в калькировании или дублировании

законодательных актов РФ, а разработка в порядке законодательной инициативы поправок и предложений к ним с учетом региональных особенностей. И на этой основе принять региональные нормативные акты.

Создав хорошую правовую базу, можно потом вызвать общественную инициативу по поднятию престижа института семьи и традиционного семейного образа жизни.

Предвидя необходимость пересмотра правовой базы института семьи и пробуждения общественной инициативы, мы на протяжении нескольких лет создавали «Нравственный кодекс семьи Республики Татарстан», программы «Семья Татарстана» и «Семья Казани», а также другие «семейные» документы, которые могут быть использованы при разработке поправок и предложений к Семейному кодексу РФ и региональных нормативных актов.

Надеюсь, что народные избранники прислушаются и к нашему голосу.

Ильдус Амирханов,
специалист по семье НИИ центра семьи и демографии АН РТ.

Казань, 22 марта 2008 г.